Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Ай Вэйвэй: «Тысяча лет радостей и печалей» | Ai Weiwei: «1000 ans de joies et de peines»

Автор: Надежда Сикорская, Лозанна , 11.02.2022.

(c) Nashagazeta

Один из самых знаменитых художников и борцов за права человека современности провел в Швейцарии чуть больше суток, но редактору Нашей Газеты удалось побывать на встрече с ним в Кантональном музее изобразительных искусств

Лозанны.

|

L’un des plus grands artistes et activistes contemporains a passé à peine 24 heures en Suisse, mais la rédactrice de Nasha Gazeta a eu la chance d’assister à la table ronde avec sa participation organisée au Musée cantonal des beaux-arts (MCBA), à Lausanne.

Ai Weiwei: «1000 ans de joies et de peines»

О том, что эта встреча состоится, мы бы вообще не узнали, если бы не были включены в список приглашенных: соответствующее объявление на сайте музея исчезло, не успев появиться – 120 имевшихся мест заполнились молниеносно. Поводом для встречи стала публикация автобиографии Ай Вэйвэя «1000 лет радостей и печалей», вышедшей во французском издательстве Buchet-Chastel вслед за английской версией («1000 Years of Joys and Sorrows », Crown Publishers, 2021). Заметим, что перевод Луи Винсенолля стал третьим и единственным, который автор счел удовлетворительным.

Об этой книге, а также о политике и искусстве вообще художник говорил с директором Женевского фестиваля фильмов о правах человека (FIDHG) Изабель Гаттикер и с бывшим послом Швейцарии в Китае Ули Сиггом, которому Ай Вэйвэй обязан своим выходом на международную сцену и который был скромно обозначен в анонсе как «коллекционер» - с легкой руки этого дипломата Ай Вэйвэй впервые принял участие в Венецианской биеннале в 1999 году. Беседу вел директор MCBA Бернар Фибишер, с гордостью отметивший, что Лозанна и Париж – единственные франкоязычные города, где художник согласился лично провести презентацию и подарить автограф всем желающим.

(c) Nashagazeta

Мы тоже будет говорить о книге, позволив себе небольшое лирическое отступление. Дело в том, что впервые мы «живьем» увидели работы Ай Вэйвэя именно в Лозанне, в старом здании кантонального музея, известном как Дворец Рюминых. Выставка 2017 года, о которой мы подробно рассказали, очертив основные моменты биографии художника, называлась «Кстати, всегда другие» - почти цитата из эпитафии на могиле Марселя Дюшана, оказавшего на Ай Вэйвэя большое влияние. Нашим юным спутникам тогда больше всего понравился красочный дракон с бесконечным хвостом, а нам – поле семечек. И не только из присущей многим нашим соотечественникам любви к этим питательным зернышкам, но от восхищения масштабами проекта: из книги мы узнали, что над созданием этой инсталляции, впервые в полном размере представленной в 2010 году в Турбинном зале лондонского музея Тейт Модерн, трудилось 1600 китайских рабочих, вручную создавших и раскрасивших 100 миллионов (!) фарфоровых семян подсолнечника!

Получив книгу Ай Вэйвэя за несколько дней до ее поступления в продажу, мы задумались о том, как найти традиционную для нашего издания связь с бывшим отечеством. Но долго думать не пришлось: наугад раскрыв книгу на странице 127, мы сразу наткнулись на такую фразу: «Среди русских поэтов, которых он [отец Ай Вэйвэя – Н.С.] наиболее ценил, и Есенин, и Маяковский положили конец своим мучениям, решившись на самоубийство». Вернувшись к началу, мы начали читать, не в силах оторваться.

Книга Ай Вэйвэя относится к разряду столь любимых нами книг-свидетельств. Ее

название - строка из вынесенного в эпиграф стихотворения отца автора, выдающегося китайского поэта Ай Цина (1910-1996), в нашем вольном переводе:

Тысяча лет радостей и печалей,

Не оставивших никакого следа

Живущие, наслаждайтесь жизнью

Не надеясь, что земля сохранит о ней память.

На вопрос Бернара Фибишера, чего все же больше – радостей или печалей, Ай Вэйвэй ответил уклончиво-философски, сказав, что, не испытав печаль, невозможно оценить радость.

Площадь Тиананмен, Пекин, 1995 г. (c) Archives Ai Weiwei

Автобиография, посвященная отцу и сыну Ай Вэйвэя, охватывает более ста лет истории Китая – с 1910 года, года рождения Ай Цина и смерти Льва Толстого, до 2015 и рассказывает о трех поколениях китайцев, «о судьбах бесчисленных людей, с которыми мы никогда не встречались, и не встретимся». Написанная китайцем, она могла бы быть написана русским, столько мы обнаружили параллелей – достаточно заминить имена и географические названия. Вот как Ай Вэйвэй суммирует, например, собственные детские воспоминания. «Маленьким мальчиком я видел мир, как поделенный на две части экран. С одной стороны – американские империалисты прогуливаются в смокингах и цилиндрах, с тростями в руках, в сопровождении их лакеев: англичан, французов, немцев, итальянцев и японцев <> С другой – Мао Цзэдун в окружении своих подсолнухов, то есть народов Азии, Африки и Латинской Америки, стремящихся к независимости и свободе, борющихся против колониализма

и империализма; представители будущего – это мы…» Разве не такие же картинки рисовали и рисовались нам, в нашем советском детстве?

Рассказ Ай Вэйвэя о жизни своего отца, зачитывавшегося Плехановым, восхищавшегося в Париже Шагалом и воспринявшего самоубийства Есенина и Маяковского как личные трагедии и возможное руководство к действию, напоминает рассказы многих наших соотечественников: после приближенности к власти – опала, ссылка в «Маленькую Сибирь»; распоряжение человеческой жизнью, как пешкой; отправка на «социальное перевоспитание»; отказ в публикациях; череда немыслимых унижений – от чистки туалетов до выгула по улице в шапке с ослиными ушами; выбивание публичного раскаяния, постоянная слежка, обвинения в правых взглядах и в тунеядстве… С последующей полной реабилитаций, но лишь в 1978 году. Скажем спасибо, что при жизни. Невозможно спокойно читать, как доведенный до отчаяния поэт решает сжечь собственную библиотеку с альбомами Рембрандта и томами Уитмена, Бодлера, Маяковского, Назима Хикмета, Пабло Неруды… Вот как описывает помогавший отцу в этом жертвоприношении Ай Вэйвэй: «… я вырывал страницы и одну за другой бросал их в печку. Они скукоживались от жара и исчезали, как призраки, поглощаемые пламенем. По мере того, как они превращались в пепел, странная сила вселялась в меня. С того самого дня она постепенно овладевала моим телом и духом, пока не обрела форму, которая смутила бы даже моего злейшего врага». Так и витают на всем этим тени Мандельштама, Бродского, Шаламова и скольких еще великих людей, ставших жертвами авторитарной Системы, всегда говорящей на одном и том же языке…

Ай Цин и Ай Вэйвэй дома, квартал Донгченг, Пекин, 1980 г. (c) Archives Ai Weiwei

Несмотря на разницу в полвека, удивительно, сколь во многом Ай Вэйвэй повторил путь отца, что свидетельствует о пресловутой «преемственности» системы. Как и Ай Цин, он уехал учиться за границу, но не во Францию, а в Америку, и испытал там себя в разных ипостасях – от стипендиата престижного колледжа до практически бродяги без документов, зарабатывающего на пропитание, рисуя на улице портреты туристов. Природный талант и влияние поэта Аллена Гинзберга и художника Энди Уорхола не дали Ай Вэйвэю пропасть. И ничего, что на первой выставке в Сохо ни одна из работ не продалась и он выбросил все в мусорный ящик – всемирный успех был лишь вопросом времени. Как и Ай Цин, он подвергся на родине чудовищным унижениям, был в буквальном смысле слова похищен государством, но, как и тот, – не сломался.

Смешно и грустно читать сегодня, как в 1971 году, когда отношения между Китаем и СССР обострились, китайских школьниках заставили учить русские «ключевые слова»; как в момент запуска первого советского Спутника, Китай, по примеру соседа, задался целью «догнать промышленное производство США и Великобритании за 25 лет или немножко больше»; как стареющий Мао стал сравнивать себя с первым китайским императором и как его смерть вызвала смятение в народе, потерявшего «отца»; как беспардонно использовалась в пропагандистских целях Олимпиада 2008 года… Все это нам знакомо и понятно.

Удивительно читать об эпидемии SARS, охватившей Китай в 2002 году, из-за чего приехавшего в Базель по приглашению знаменитого архитектурного бюро Herzog & De Meuron художника на полном серьезе хотели посадить в стеклянную клетку – на карантин…

Ай Вэйвэй в Нью-Йорке, Lower East Side, 1985 г. (c) Archives Ai Weiwei

Книга Ай Вэйвэя, которую можно в равной степени назвать и исторической, и очень личной, обладает также чертами художественного и социального манифеста – благодаря делаемым автором обобщениям, несколькими из которых мы хотим с вами поделиться, в нашем переводе.

«Никогда не забывайте, что в тоталитарной системе жестокость и абсурд всегда идут рука об руку».

«Искусство для меня состоит в динамичном контакте с действительностью, с нашим образом жизни и нашими жизненными перспективами. Искусство, стремящееся оторваться от реальности, меня не интересует».

«Когда власть администрации безгранична, когда судебная власть не контролируема, когда от народа скрывают информацию, общество обречено на функционирование без всякой справедливости и без всякой морали».

«Когда государство ограничивает свободу передвижения своих граждан, оно превращается в тюрьму. Никогда не любите человека или страну, которых вы не свободны покинуть».

«Даже в самых мрачных обстоятельствах люди могут сохранять способность оставаться людьми, а общество формируется из действий бессчетного числа отдельных личностей. У людей есть собственное понимание добра и зла, которое не может быть полностью подменено принципами авторитаризма.»

«Смириться с искажением истории значит сделать первый шаг в сторону смирения с унижением в текущей жизни».

«Поскольку искусство раскрывает правду, проникающую в самое сердце, оно способно быть мощным вестником. Для меня лично призывы к свободы неотделимы от усилий ее достижения, потому что свобода – это не цель, но направление, она воплощается в самом акте сопротивления».

«Самовыражение есть суть человеческого существования. Без звука человеческого голоса, без тепла и красок в нашей жизни, без внимательных взглядов Земля – просто бессмысленный камень, подвешенный в пространстве».

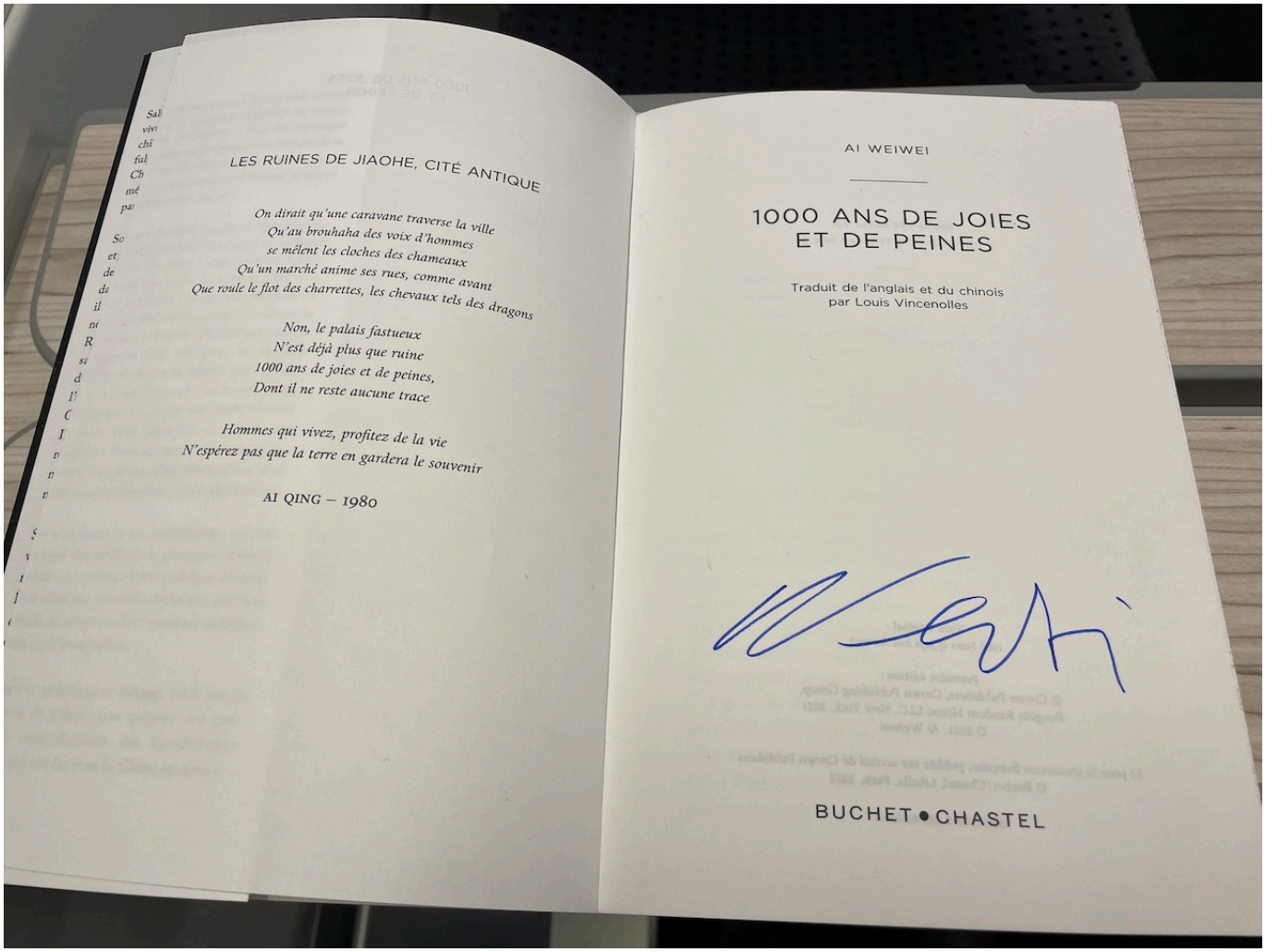
(c) Nashagazeta

… Ай Вэйвэй рассказывает в книге, как во время заключения в 2011 году после очередного допроса думал о своем отце, осознавая, как плохо знал его. «Я никогда не спрашивал его, что он думал, не интересовался, каким видел он мир своим здоровым глазом. Бездна между нами, которая уже никогда не закроется, вызвала во мне острое сожаление. Именно тогда, в тот самый момент мне пришла в голову идея написать эту книгу - во избежание того, чтобы Ай Лао [сын] когда-нибудь пережил подобное сожаление».

После презентации в Кантональном музее мы смогли задать Ай Вэйвэю вопрос о том, как он оценивает нынешний этап российско-китайских отношений, знавших на протяжении истории взлеты и падения. И услышали в ответ, что «никакие два народа не ненавидят друг друга так, как русские и китайцы», хотя и не имеют для этого особых причин. Художник напомнил, что Мао Цзэдун (которого Ай Вэйвэй уважительно называет «председатель») мечтал избавиться от советского влияния, а Сталин презирал его, считая человеком «от сохи». «Но у России есть нефть и газ, а у Китая – развитая легкая промышленность, поэтому они вынуждены быть стратегическими союзниками, а в настоящий момент они – лучшие друзья».

Мы не знаем, будет ли книга Ай Вэйвэя переведена на русский язык, но искренне советуем всем, кто может, прочитать ее на английском или французском и задуматься о том, что может сделать каждый из нас для того, чтобы между нами и нашими детьми не возникала бездна непонимания.

От редакции: 10 марта 2022 года в Кантональном музее в Лозанне будет показан документальный фильм Ай Вэйвэя «Таракан» (« Cochroach », 2020), посвященный событиям в Гонконге в феврале 2019 года. Практическую информацию вы найдете здесь.



(c) Nashagazeta

Женева

Статьи по теме

«Кстати, всегда другие»

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/culture/ay-veyvey-tysyacha-let-radostey-i-pechaley